

Снятие риз
с иконы
в присутствии
священника

Почему отнятое у Церкви не спасло голодающих

ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ
В 1922 ГОДУ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ,
ЦЕЛИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В феврале этого года исполняется ровно сотня лет с начала кампании по опустошению православных храмов большевиками под лозунгом помощи голодающим. И хотя эти события многократно отражены в различных исследованиях, необходимо рассмотреть их прежде всего в освобожденном от неправды историческом контексте. Какая истинная и неприглядная реальность скрывалась за передовицами партийных газет, бодро рапортующих о потраченных церковных ценностях на закупку заграничного хлеба для спасения населения Поволжья, «Журналу Московской Патриархии» рассказал научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета **священник Сергей Иванов**.

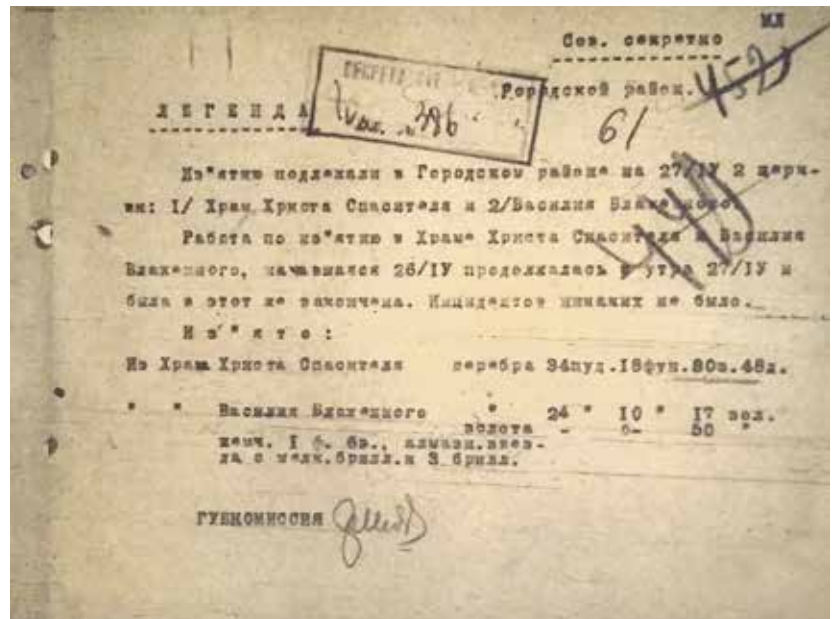
В печально известном письме от 19 марта 1922 года председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин разъяснил членам Политбюро необходимость насильственного изъятия церковных ценностей следующим образом: «Без этого [фонда] никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности — совершенно невыносимы»¹.

На первом месте здесь — государственная внешняя и внутренняя политика в целом, на втором — восстановление народного хозяйства как ее существенная часть и на третьем — актуальная в тот момент дипломатическая задача, и ни слова о помощи голодающим. Значение церковных ценностей для воплощения столь масштабных намерений Ленин сознательно связал с агитационными, совершенно некомпетентными оценками в советской прессе их стоимости в 525 млн золотых рублей и, с целью подтолкнуть Политбюро к согласию на репрессивные меры против духовенства, еще и завысил ее в несколько раз.

Первая цель изъятия — государственная работа, или внешняя и внутренняя политика

Внешнеполитический и внешнеэкономический аспекты изъятия были связаны с международной изоляцией Советской России, непризнанием легитимности нового правительства и отсутствием официальных торговых связей с другими государствами. В данных условиях, имея нужду в разжигании мировой революции и обеспечении разрушенного войной народного хозяйства импортными товарами, власть была вынуждена, с одной стороны, встать на путь конфискации ценностей у собственного населения, с другой — искать обходные пути в зарубежной торговле.

Горячая повестка с польскими платежами возникла в результате поражения Советской России в войне с Польшей 1919–1920 годов и необходимости выплаты победившей стороне компенсаций за железнодорожное имущество в соответствии с условиями Рижского мирного договора. Россия была обязана в течение двух лет заплатить Польше 27 млн рублей золотом, а до

этого в качестве гарантии предоставить в распоряжение поляков драгоценностей на сумму 30 млн золотых рублей. Их следовало передать тремя взносами, по 10 млн рублей каждый, до 30 апреля 1923 года.

Попытка затянуть с отправкой драгоценностей обернулась категоричной польской нотой, и уже в середине сентября советское правительство вынуждено было обещать победителям скорейшую доставку первой части ценностей — к октябрю 1921 года.

Вопросами отбора ценностей в Государственном хранилище для Польши сразу же стала заниматься Комиссия по драгоценностям во главе с Л. Д. Троцким. При этом главной целью комиссии, принципиально ориентированной на учет

Сводка Мосгубкомиссии по изъятию церковных ценностей в Храме Христа Спасителя и храме Василия Блаженного (вверху)

Сопроводительное письмо из секретариата ГПУ на имя Л. Троцкого к сведениям о предании Ревтрибунала духовенства и прихожан в связи с изъятием церковных ценностей

Общая стоимость
изъятых в 1922 г.
и реализованных
церковных ценностей
в пересчете
на золотые рубли

7 574 162 руб.

и сосредоточение в центре всех ценностей республики, включая имущество как закрытых монастырей, так и действовавших церквей, стал поиск золота и драгоценных камней — наиболее конкурентного на мировом рынке товара. Необходимость подобной работы диктовалась плачевным состоянием государственного золотого фонда, сократившегося к концу 1921 года, по данным Валютного управления Народного комиссариата финансов (НКФина), на 728 848 737 золотых рублей.

Вторая цель изъятия — восстановление народного хозяйства

«Хозяйственное строительство», упомянутое в ленинском письме, подразумевало и другую, не менее важную цель в русле недавно принятой новой экономической политики. Партийный

отказ от уже намеченного было курса на уничтожение денежного оборота и возврат к рыночным отношениям потребовали иного взгляда на пребывавшую в хаосе денежную систему советского хозяйства.

В первых числах февраля 1922 года председатель Совета народных комиссаров был предупрежден чиновниками НКФина о приближении глубочайшего кризиса денежного обращения и необходимости скорейшей стабилизации рубля на основе выпуска банкнот с полноценным обеспечением из золотого фонда. Комиссия при Политбюро ЦК РКП(б) постановила забронировать под эту задачу золота, серебра и платины на 150 млн рублей, причем, по словам члена комиссии наркома по делам национальностей И. В. Сталина, данный план надо было «проводить зверски»².

В начале марта 1922 года проект выпуска наряду с имевшимися в обороте падавшими совзнаками твердых банковских билетов был представлен В. И. Ленину и получил его одобрение. Несмотря на то что в этот период выпуск золотых или серебряных денег в обращение из-за угрозы их тезаврации (накопления средств без их активного использования. — *Ред.*) населением по-прежнему оставался дискуссионным, на Монетном дворе в Петрограде уже приступили к производству серебряной монеты.

В апреле XI съезд РКП(б) одобрил курс НКФина на восстановление золотого обеспечения советского рубля. Таким образом, с весны 1922 года накопление драгметаллов для будущей реформы стало существенным направлением финансовой политики правительства, а Гохран, где с мая 1922 года началась сортировка церковного имущества, — их главным поставщиком на Монетный двор³.

Третья цель изъятия — дипломатические нюансы, или успехи в Генуе

В отношении укрепления советской позиции на Генуэзской конференции (10 апреля – 19 мая 1922 г.) нужно иметь в виду, что решение проблемы выхода из послевоенной разрухи и восстановления экономики многие отечественные финансисты, а вместе с ними и члены Политбюро,

в 1921–1922 годах видели в привлечении иностранного капитала.

В партийных директивах делегатам на европейскую конференцию в качестве главной гарантии в вопросе о концессиях и займах предлагались указанные Лениным северные леса, при том что основными условиями Запада для налаживания экономического сотрудничества с Советами были выплата долгов предыдущих правительств и компенсация убытков от реквизированного имущества зарубежных собственников.

Чтобы обоснованно игнорировать эти ультимативные требования и усилить свою переговорную позицию, правительству требовалось наряду с предъявлением контрпретензий продемонстрировать в Италии уверенность в способности Советской России решать стоящие перед ней задачи собственными силами; вот здесь-то и должны были пригодиться большевикам, по мысли Ленина, церковные «миллиарды».

На этой конференции вопрос о займах остался нерешенным; он стал предметом переговоров на следующей, Гаагской конференции (15 июня – 19 июля 1922 г.). При подготовке к ней Политбюро одобрило план Наркомфина предоставить под обеспечение займа в качестве залога собранные Комиссией Троцкого ценности наряду с уплатой царских долгов в виде повышения процента по кредиту и компенсаций потерь бывших собственников⁴. Однако и в Гааге вопрос о кредитовании страны не получил ожидаемого разрешения.

Еще одна цель изъятия — борьба с Церковью

Антирелигиозные намерения Политбюро ЦК РКП(б) в обсуждаемой кампании соответствовали не менее важной части государственной работы, упомянутой в ленинском письме от 19 марта 1922 года.

Естественно, что ограбление православных храмов было продолжением непрерывного гонения на Церковь в череде сменяющих друг друга враждебных акций: преследования духовенства под фальшивым предлогом борьбы с контрреволюцией, конфискации церковных земель, национализации имущества, закрытия монастырей, лишения прав юридического лица

и владения собственностью, ликвидации святых мощей и др.

Желательность подобной агрессивной политики идеологически выводилась из большевистской доктрины о несовместимости религии и коммунизма. Стратегический же ориентир партийного подхода заключался в необходимости коммунистического перевоспитания православного населения страны на основе разрушения религиозного мирозерцания и замены его марксистским.

Первые неудачные опыты в этом направлении, несмотря на законодательную дискриминацию Русской Церкви и невероятный подрыв ее материального обеспечения, убедили большевиков в том, что одни лишь репрессии и крикливые агитационные кампании против «религиозной дури» будут бесплодны. Этот неприятный

Наркомфином было куплено:
 золота
22 пуда **25** фунтов
 серебра
27 590 пудов
11 фунтов
 драгоценных камней
 на сумму
613 206 руб.

властям вывод поставил под вопрос исполнение неотменимых постулатов партийной программы, и для ускоренного решения проблемы им потребовались негласные методы по разложению русского православного мира.

Секретный план Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК) по искоренению народной веры на Руси, имевшийся у нее уже в 1919 году, состоял в том, чтобы сначала оторвать от Церкви часть «идеалистического» духовенства с помощью благосклонного к нему отношения и заманчивых услуг⁵, а затем, не способствуя созданию «советской церкви», столкнуть его с действующей иерархией. Провоцируя дальнейшее развитие требуемого конфликта между конкурирующими религиозными сообществами, следовало выявить компрометирующий материал как на авторитетных участников Поместного Собора 1917–1918 годов, так и на членов Священного Синода.

Потом предполагаемый компромат вместе с антирелигиозными трактовыми организо-

ванной склоки нужно было предоставить советскому агитпропу, что позволило бы публично унижить наконец Русскую Церковь в глазах своего народа, чем и подтолкнуть народные массы к отходу от веры.

Уже летом 1919 года игра чекистов в «сотрудничество» началась с вовлечения небольшой группы петроградских священников-реформаторов из бывшего Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян в переговоры с госорганами о лояльности, что тогда же вызвало опасения у митрополита Вениамина (Казанского) из-за возможного раскола среди духовенства.

В декабре 1919 года ЧК помогла лишённому архиепископского сана Владимиру Путяте образовать в Пензе под вывеской «Свободной народной российской церкви» собственную группу, немедленно объявившую Русской Церкви решительную войну⁶.

К концу 1920 года через Секретный отдел ВЧК было «пропущено» до трех десятков епископов, из которых лишь единицы удалось втянуть в сотрудничество, передвинуть на сочувствующие

советской власти позиции и настроить против Патриарха и Синода⁷. Такого рода итоги ввиду имевшихся целей, как очевидно, являлись более чем скромными. Все пригодное, что у единичных представителей духовного сословия удалось чекистам выявить в контексте поставленной перед ними задачи, кроме частных случаев личных обид, корыстных интересов и страха репрессий, можно было свести к трем направлениям: некоторое недовольство иерархическими привилегиями монашеского епископата, не имевшие поддержки у священноначалия реформаторские настроения и разногласия в связи с вынужденным отказом Патриарха Тихона от выборного обновления органов Высшего Церковного Управления после истечения полномочий их участников в 1921 году.

Превратить естественное разномыслие по тем или иным вопросам в церковной среде в явный и глубокий раздор среди верующих оказалось трудноисполнимой задачей даже для ВЧК. И только когда в сфере внимания Государственного политического управления (ГПУ), сменившего ВЧК в начале 1922 года,

Государство «купило» у подразделения ВЦИК отнятые у Церкви ценности, а голодающим вместо хлеба выдало дешевые бумажки печатных станков Гознака.

оказалась тема изъятия церковных ценностей, все поменялось коренным образом. Теперь в дополнение к мелким провокациям и локальным конфликтам в церковной ограде можно было приступить к организации раскола православного общества во всероссийском масштабе, опираясь при обеспечении «законности» в стране на жесткий критерий лояльности по отношению к государственному декрету об изъятии ценностей.

Вышеописанные обстоятельства явились историческими предпосылками и настоящим контекстом опустошения православных храмов в 1922 году, а отнюдь не декларированная борьба с тяжелейшим голодом, начавшимся в Поволжье в 1921 году и цинично использованной властью для прикрытия своих подлинных целей.

Осуществление плана и подмена понятий

В декабре 1921 года Комиссия по драгоценностям уже определилась с агитационной подменой главной причины изъятия и реализации российских сокровищ — ей стал голод в шестнадцати поволжских губерниях. В начале 1922 года Комиссия занялась организацией приезда делегаций из пострадавших районов с заявлениями о необходимости изъять золото из церквей.

Основная масса церковных ценностей была израсходована не на что иное, как на изготовление монет, предусмотренное денежной реформой 1922–1924 годов.

Курируемая Троцким пресса стала усиленно продвигать тезисы о том, что драгметаллов в государственной казне совсем нет, церковных сборов мало и они не поступают голодающим, однако золота в храмах столько, что его хватит на кормление Поволжья импортным хлебом в течение двух лет. Поскольку за граница продаст хлеб только за золотые слитки, церковные драгметал-

лы следует изъять немедленно, а верующие, если они хотят сохранить право называться христианами, «должны отдать все»⁸.

Сотрудники 5-го отдела Народного комиссариата юстиции (Наркомюста) публично объявили, что защита православной иерархией евхаристических чаш, иконных окладов и раков для мощей из драгоценного металла будет расцениваться властью как контрреволюционная деятельность⁹. В то же время, опираясь на вымышленные цифры стоимости «несметного» церковного имущества и обещая с его помощью полностью и надолго решить проблему голода, агитация вызвала непредусмотренное сокращение и без того недостаточных общих сборов для голодающих по стране.

Шестнадцатого февраля 1922 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), игнорируя соглашение Патриаршего управления и Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол) при ВЦИК о добровольных пожертвованиях на голодных, принял в дополнение к декрету об изъятии музейного имущества от 27 декабря 1921 года инициированный Л. Д. Троцким декрет о насильственном изъятии церковных ценностей. То есть данный декрет ВЦИК (с официальной датой от 23 февраля 1922 года. — Авт.) являлся

законодательным обеспечением задач Комиссии по учету и сосредоточению ценностей, не имевшей никакого отношения к помощи голодающим.

Сомнения Патриарха Тихона

В условиях начала первых изъятий и отсутствия какого-либо ответа на свой тревожный запрос председателю ВЦИК М. И. Калинину Патриарх Тихон в послании от 28 февраля 1922 года охарактеризовал действия властей как откровенное святотатство.

Получив поддержку выраженной в послании церковной точки зрения у большинства верующих, он одновременно подвергся критике, клевете и оскорблениям на страницах советской печати, дополнением к которым стали выступления заранее подготовленных священников-осведомителей, — их услуги были оплачены госорганами во второй половине мая¹⁰. При этом центральным аргументом в навязанной святителю Тихону ангажированными оппонентами полемике в противовес его словам о каноническом запрете несвященного употребления евхаристических сосудов стало утверждение, что каноны не запрещают употребление данных сосудов для помощи голодающим.

Между тем — после принудительной ликвидации в 1921 году церковных комитетов помощи голодающим, замалчивания в прессе посланий Патриарха и призывов иерархии к усилению зарубежной продовольственной помощи, отказа рассмотреть проект духовенства о заграничном займе в 100 млн пудов хлеба под залог храмовых ценностей и запрета выкупа святынь хлебом на местах — доверия правительственным обещаниям было мало. Люди понимали, что предложенная Патриаршим управлением, но отвергнутая советской властью программа борьбы с бедствием была вполне осуществимой при условии действительного приоритета проблемы борьбы с голодом в решении государственных задач и доброжелательного отношения к Церкви как к полезному социальному институту, а не обреченному на уничтожение политическому противнику.

Об этом недоверии агитационным лозунгам со стороны своей российской паствы Патриарх не побоялся высказаться публично. Попытки проплаченных критиков манипулировать примерами церковной благотворительности Святейшим были отвергнуты как неуместные в условиях насилия над Церковью, а утверждение о святотатстве властей осталось непоколебимым даже после ареста.

Значение церковных ценностей Ленин сознательно связал с агитационными, совершенно некомпетентными оценками их стоимости с целью подтолкнуть Политбюро к согласию на репрессивные меры против духовенства.

Свою позицию, соответствующую определением Поместного Собора 1917–1918 годов, он смог достойным образом защитить и в Трибунале, и уже в заключении на допросах следователей¹¹.

Недоверие Патриарха Тихона и единомысленного с ним православного народа оказалось оправданным: архивные источники подтвердили, что изымаемое из храмов имущество, включая евхаристические сосуды, в борьбе с голодом и его последствиями не имело никакого применения, поскольку в 1922–1923 годах оно находилось частью в Гохране, а частью на Монетном дворе и в губернских финотделах. Естественно, что никаких продаж этих драгоценностей за границу как натурой, так и в слитках с целью закупки хлеба для голодающих, вопреки обещаниям советской агитации, не было, а финансирование Помгола производилось из имевшихся в казне ресурсов.

Провести его в осуществленном объеме можно было вообще без учета церковных ценностей, а тем более священных сосудов, удельный вес которых в общей массе был крайне незначительным. Эти выводы согласуются с отчетными таблицами Гохрана об обороте ценностей Помгола в указанное время.

В соответствии с ними до 1 октября 1922 года было детально отсортировано и записано на счет ЦК Помгол церковных ценностей на сумму 7 656 510 золотых рублей; это ровно 2% от общей стоимости тщательно учтенных с января всех остальных ценностей Гохрана, составивших 383 379 730 рублей¹².

В табличной категории Помгола «Для реализации» к этому моменту набралось более 139 пудов изделий на сумму 160 252 рубля, но никакого движения данных ценностей в ней не произошло. Это значит, что ко времени объявленного «победоносным» окончания голодной кампании и роспуска в середине октября 1922 года ЦК Помгол

собственно на голодающих не было реализовано ни одной церковной вещи и, соответственно, не получено «от реализации» ни одной копейки. Именно эта реальность и скрывалась за передовицами партийных газет и научными трудами советских историков о будто бы потраченных на закупку заграничного хлеба для спасения голодающего Поволжья изъятых церковных ценностях¹³.

Кому выгодно?

Кто же был настоящим выгодополучателем от безжалостной атаки на Церковь образца 1922 года? Ясно, что с мифом о церковных богатствах на миллиарды золотых рублей Политбюро пришлось проститься уже через два месяца после начала кампании по изъятию, а вместе с ним и с надеждами на их определяющую роль в ленинских проектах государственной работы.

Патриарх Тихон открыто высказывался лишь об интересах Л. Д. Троцкого, негласное руководство которого в работе по ценностям все-таки стало известным, — ему, как военному наркому, в голодное время надо же было чем-то кормить Красную армию. При этом святитель удержался от предположений, что в условиях голодной катастрофы, ужасы которой наверняка должны были быть известны наркому из прессы и телеграмм командующих военными округами, у того могли быть какие-то другие цели. Но они были: Троцкому Политбюро ЦК РКП(б) обещало отдать 5% от стоимости всех учтенных им за шестимесячную работу ценностей. Предназначались, правда, эти средства не для питания красноармейцев, находящихся, в отличие от голодающих Поволжья, на полном государственном обеспечении, а на техническое усиление боевой мощи Рабоче-крестьянской Красной армии за счет заграничных заказов на танковые шасси, самолеты, автоцистерны, пулеметы и т. п.

Обещанные 5% выдали натурой в виде дорогого сапфирового украшения из драгоценностей Императорского дома, и продать его европейским коммерсантам так и не удалось. Таким образом, в 1922 году военное ведомство от усилий Троцкого по учету ценностей страны не получило ничего, а в следующие годы наркомат разумно рассчитывал на другие источники финансирования.

Что досталось голодающим в рамках представляющей их интересы Центральной комиссии Помгол? Сначала все складывалось как будто хорошо. В конце марта 1922 года по решению Л. Д. Троцкого с целью агитационного прикрытия власти отпустили на хлеб для голодающих один миллион золотых рублей авансом в счет будущей реализации изъятых церковных ценностей и разрекламировали его как первое из предстоящих ассигнований.

Поскольку всем было ясно, что операции по доставке ценностей в центр, а затем на Монетный двор, их переплавка в слитки с последующей отправкой на европейские рынки, закупка муки и ввоз ее в Россию затянутся до нового урожая, идея с авансами доверчивому Помголу понравилась.

В Наркомфин последовал уверенный запрос на продолжение авансов, тем более что доходная смета ЦК Помгол была определена НКФинком в 16 млн золотых рублей, где 10 млн приходилось на церковные ценности. Наркомфин отказал в просимом немедленно, ссылаясь на то, что церковные ценности труднореализуемы. Тогда сам глава ВЦИК и ЦК Помгол публично сообщил

про ходатайство помгольцев в НКФин о сокращенном до 5 млн рублей авансе в твердой валюте для закупки хлеба¹⁴, а его сотрудники, мотивируя выдачу аванса политической необходимостью, добились поддержки даже у Центральной комиссии по изъятию ценностей.

Дело дошло до Финансового комитета СНК, на заседании которого в конце мая НКФин отстоял свои интересы, то есть оставил Помгол без золотых авансов по причине небольшой доли золота в общем объеме церковных ценностей. Последовавшие перечисления НКФина Помголу в счет церковных ценностей советскими бумажными дензнаками не прибавили хлеба в голодающих губерниях.

Таким образом, государство не только чудесным образом «купило» у подразделения ВЦИК давно отнятые у Церкви в свою пользу ценности, но и заплатило за них голодающим вместо хлеба дешевыми бумажками печатных станков Гознака. Получив лишь «агитационную» 1/10 часть просимой валюты, ЦК Помгол была обманута в лучших ожиданиях от «народного» правительства и к тому же обречена участвовать в публичном спектакле под названием «реализация церковных

Священник Сергей Иванов родился в 1963 г. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук. Богословское и историческое образование получил в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. За диссертацию «Святейший Патриарх Тихон и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году (канонические и исторические аспекты)» в 2017 г. присуждена ученая степень кандидата богословия. Сфера церковно-научных интересов — жизнь и служение св. Патриарха Тихона, обновленческий раскол, изъятие церковных ценностей в 1922 г. В сан иерея рукоположен 17 апреля 2017 г. в Успенском соборе Московского Кремля. Клирик храма Успения Божией Матери в Матвеевском г. Москвы, научный сотрудник Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви богословского факультета ПСТГУ.

ценностей». Точно так же были обмануты собрания рабочих, крестьян и красноармейцев, голосовавших под влиянием большевистской агитации за изъятие имущества церквей для помощи голодающим заграничным хлебом.

Платить за церковные ценности Помголу золотой валютой советской власти было невыгодно, так же как невыгодно было предложить ему оценку их стоимости по довоенному курсу драгметаллов. Когда дело дошло до поддержки голодающих, объем изъятых ценностей мгновенно пересчитали по низким курсам московского вольного рынка 1922 года.

В результате общая стоимость храмового имущества, перечисленная Помголу, кроме демонстративного одного миллиона золотых рублей от Троцкого, советскими дензнаками составила вместо 16 113 070 золотых рублей по ведомственной отчетности НКФ — только 7 574 162 золотых рубля¹⁵. А монастырские ценности, свозимые тогда же в Гохран и Оружейную палату, вообще не имели к ЦК Помгол никакого отношения.

Вот так для решения проблемы спасения голодающих властью был использован бескомпромиссный коммерческий подход, и в экономическом выигрыше оказался не Л. Д. Троцкий, а замнаркома финансов Г. Я. Сокольников — фактический глава финансового ведомства. Итоги кампании не могли его не радовать, ведь основная масса церковных ценностей, в структуре которой на золото приходилось 4,4 %, а серебро составило 85,9 %, израсходовали не на что иное, как на чеканку монет по денежной реформе 1922–1924 годов¹⁶.

Впечатляли успехи прежде всего 1922 года, поскольку в структуре закупленного НКФином в этом году серебра доля церковного металла составила 99,7%¹⁷.

Результатом стратегии НКФина вместе с резервированием 150-миллионного фонда драгметаллов стала значительная финансовая прибыль и введение в денежный оборот твердых червонцев, а ее издержками наряду с общими дефектами политики большевиков — колоссальный урон русской культуре от уничтожения памятников церковного искусства, но прежде всего — гибель от голода и эпидемий около пяти миллионов граждан России прямо накануне основания СССР¹⁸. Такое зловещее начало не поколебало

строителей антирелигиозной социальной утопии, конец которой был предсказан Патриархом Тихоном еще в 1918 году.

Тем не менее Наркомфин стал не единственным «бенефициаром» народной трагедии. Согласно мартовским предложениям В. И. Ленина членам Политбюро, своевременность очередного нападения на Русскую Церковь и победа в борьбе за ее ценности напрямую вытекала из обессиленного голодом состояния народных масс, которые по этой причине не смогли бы в достаточной мере поддержать будто бы имевшийся у духовенства план решительного сражения с властью.

Расправа над духовенством как следствие изъятия

Несмотря на голословные доводы и болезненные фантазии вождя, его мысль немедленно «разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий»¹⁹ нашла в Политбюро полное понимание и поддержку.

В марте по предложению В. И. Ленина было проведено секретное совещание секретарей парткомов и председателей губисполкомов, приехавших на XI съезд РКП(б). Главным в повестке совещания был политический доклад Л. Д. Троцкого о разгроме Русской Православной Церкви с помощью организации новых репрессий и масштабного раскола на почве лояльного отношения к изъятию церковных ценностей.

Раскол должен был дать не только «неоценимый агитационный материал» для компрометации Православия, но и повлечь за собой полную замену «черносотенной» иерархии на «советскую» в результате выборов на новом Поместном Соборе²⁰. При этом после расправы над «контрреволюционным» духовенством следовало заняться искоренением и поддержанной госорганами на первых порах «обновленной Церкви».

Возглавить непростое дело Троцкий решил лично и в мае 1922 года полностью переключился с работы по ценностям на работу по духовенству. За это время по стране прокатилась волна расстрельных судебных процессов против православного духовенства и мирян. Стихийное

народное сопротивление ограблению церковью было жестоко подавлено. Казнены 52 человека, включая выдающегося народного архиерея Вениамина (Казанского). Патриарх был лишен свободы, а деятельность органов Высшего Церковного Управления запрещена.

В середине мая высшую власть в Церкви попыталась взять специально подготовленная госорганами группа церковных отступников-обновленцев во главе с епископом Антонином (Грановским), быстро учредившая собственное и разрешенное государством «Высшее церковное управление» — ВЦУ. Она же летом «уволвила на покой» вместе с рядом верных Православию архиереев назначенного арестованным Патриархом заместителя — митрополита Агафангела (Преображенского).

К сентябрю при содействии Комиссии Троекго обновленцы сами были расколоты на три враждующие группы, публично поносившие друг друга. Искусственно запущенный и управляемый извне процесс своевременно обслуживала агитация: «Мы ничего не имеем против начинающейся склоки. Мы используем ее для полного и решительного отрыва масс от всякого духовенства, от всякой церкви, от всякой религии»²¹.

Троцкий, компенсируя недовольство от финансового провала Народного комиссариата по военным делам победами на религиозном фронте, с удовлетворением охарактеризовал в печати новое положение Русской Православной Церкви, публично ликуя: «Настала эпоха больших потрясений и обвалов в этом царстве, которое объявляло себя не от мира сего»²².

Согласно отчетам надзорных органов, к концу 1922 года «тихоновский» епископат был разгромлен, а белое духовенство расколото. Зимой 1922/1923 годов большевики уже ставили себе задачу разрушения приходских советов с помощью натравливания одной части верующих на другую.

Вдохновленные организованной церковной смутой богоборцы из властных коридоров с целью быстрого наводнения страны антирелигиозной литературой заказали несколько монографий Институту красной профессуры, а также решили закупить нужные книги на иностранных рынках. В декабре 1922 года в издательстве «Красная новь» вышел первый номер газеты

«Безбожник», чуть позже — журнал «Безбожник у станка».

Именно в этот период книжные прилавки заполняются книгами Е. М. Ярославского «Как родятся боги», А. Логинова «Наука и библия», В. Брауна «Христианство и коммунизм», А. Дрекса «Миф о Христе», А. Бебеля «Христианство и социализм» и т. п.

Взяв старт в конце 1922 года, массовая антирелигиозная литература к I съезду безбожников в апреле 1925 года имела уже более 300 изданий. Население страны погрузилось в густую и слепящую тьму атеистической пропаганды, но свет Христова благовестия продолжал светить в сердцах верных христиан, многие из которых стали новомучениками и исповедниками Русской Церкви.

Священник Сергей Иванов,
научный сотрудник Отдела новейшей истории
Русской Православной Церкви ПСТГУ,
кандидат философских наук, кандидат богословия

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг.: В 2-х кн.

Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 141.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 267. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 464. Л. 216.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 297. Л. 1.

⁵ «Необходимо сделать все, чтобы унижить церковь в глазах народа».

Докладная записка М. И. Лациса. 1920 / Публ. М. Ю. Крапивина //

Исторический архив. 2011. № 2. С. 96.

⁶ Раскол в среде российского духовенства // Известия ВЦИК. 1919. 11 декабря. № 278. С. 2.

⁷ «Необходимо сделать все, чтобы унижить церковь в глазах народа».

Докладная записка М. И. Лациса. С. 97.

⁸ Овсянников Н. Как заставить сытых разуть голодных // Коммунистический труд. 1922. 5 февраля. № 27. С. 3.

⁹ Красилов П. Голод и христианство // Революция и церковь. 1922.

№ 1–3.

¹⁰ Иванов С. Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской

Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2014. № 3 (58).

С. 55.

¹¹ Следственное дело Патриарха Тихона: Сборник документов по

материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 190.

¹² ГА РФ. Ф. 7632. Оп. 1. Д. 16. Л. 23–23об.

¹³ История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Т. VIII. М., 1967. С. 61.

¹⁴ Речь тов. Калинина на открытии III сессии ВЦИК (12 мая 1922 г.)

// Бюллетень Центральной Комиссии помощи голодающим ВЦИК.

Февраль – апрель 1922 г. № 5–6–7. М., 1922. С. 2.

¹⁵ Иванов С., диак. Финансы и политика в реализации изъятых

в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. Серия II: История.

История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 5 (66). С. 38.

¹⁶ Иванов С., диак. Церковное серебро в денежной реформе

1922–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской

Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 38.

¹⁷ Отчет Производственно-коммерческого отдела Валютного

управления за 1922 год (май – декабрь). Народный комиссариат

финансов. М., 1923. С. 64.

¹⁸ Мстиславский С. Голод // Большая советская энциклопедия:

В 66 т. 1-е изд. Т. 17. М.: Советская энциклопедия, 1930. С. 463.

¹⁹ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 141.

²⁰ Там же. С. 163.

²¹ Степанов И. О «Живой церкви». М., 1922. С. 39.

²² Троцкий Л. Вне-октябрьская литература (окончание) // Правда.

1922. 19 сентября. № 210. С. 3.